

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'38'44

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-88-96>

КОНЦЕПТЫ «СТРАННИЧЕСТВО» И «СТРАННИК» В ЛИРИКЕ М. ВОЛОШИНА И В ЗЕРКАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Светлана Анатольевна Иванченко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, sveta.ivanchenko@mail.ru

Аннотация

Введение. Обращение представителей литературного творчества Серебряного века к проблеме странничества обусловлено беспокойством за судьбу России и поиском возможностей преображения мира, а также пути самоопределения. Для мыслителя, поэта, художника М. А. Волошина концепт «странничество» является ключевым. Цель данной статьи – выявление языковых особенностей воплощения концептов «странничество», «странник» в лирических текстах М. Волошина.

Материал и методы. В статье приводятся результаты свободного ассоциативного и направленного ассоциативного экспериментов, имеющих целью выявить восприятие концепта «странничество» современными носителями русского языка; данные различных словарей, отражающих значение лексем «странничество», «странник»; результаты анализа стихотворений М. Волошина разных лет, включающих концепт «странник».

Использованы методы эксперимента, семантико-стилистического, контекстологического, мотивного анализа, позволяющие раскрыть особенности содержания и восприятия концептов «странничество», «странник», отраженных в лирических текстах М. Волошина.

Результаты и обсуждение. Ассоциативные эксперименты, проведенные с целью выявления признаков концепта «странничество», показали более широкое представление информантов о данном феномене, чем это отражено в толковых словарях. Эксперимент позволил выявить отношение современных носителей языка к явлению странничества и сопоставить его с пониманием данного явления автором, судя по репрезентации в лирике М. А. Волошина.

Неустроенность, тревога за будущее страны на рубеже XIX–XX вв. обусловили интерес представителей творческой интеллигенции к проблеме странничества. Тематическая зона «странничество», включающая концепты «путь», «странник», «духовные странствования», в лирике М. Волошина занимает центральное место. Лирический герой – вечный странник, пытливый, жаждущий познания, по-сыновьи привязанный к матери-земле; Одиссей, оторванный от родных берегов, блуждающий и неуспокоенный; переживающий боль разлуки влюбленный; человек, пришедший в результате испытаний к высшему пониманию жизни – благодарности ей за неотступность боли, горечь трав земных, едкость соли; наконец, избранный, отказавшийся от радостей земной жизни во имя высшего предназначения.

Заключение. Анализ лингвистических и художественных особенностей лирических текстов М. Волошина, содержащих концепт «странничество», центральный в лирике поэта, позволил выявить основные черты лирического героя-странника (неуспокоенность, пытливость в познании мира, единение с матерью-землей, поиск своего предназначения) и сделать вывод о своеобразии концептосферы М. Волошина.

Ключевые слова: М. А. Волошин, концепт, концептуальная картина мира, странник, странничество, ассоциативный эксперимент, Серебряный век

Для цитирования: Иванченко С. А. Концепты «странничество» и «странник» в лирике М. Волошина и в зеркале ассоциативных экспериментов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 88–96. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-88-96>

RUSSIAN LANGUAGE

THE CONCEPTS OF “WANDERING” AND “WANDERER” IN THE LYRICS OF M. VOLOSHIN AND IN THE MIRROR OF ASSOCIATIVE EXPERIMENTS

Svetlana A. Ivanchenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Russian Federation, sveta.ivanchenko@mail.ru

Abstract

Introduction. The appeal of representatives of the literary creativity of the Silver Age to the problem of wandering is due to concern for the fate of Russia and the search for opportunities to transform the world, as well as ways of self-determination. For the thinker, poet, artist M. A. Voloshin, the concept of “wandering” is the key. The purpose of this article is to identify the linguistic features of the embodiment of the concepts “wandering”, “wanderer” in the lyrical texts of M. Voloshin.

Material and methods. The article presents the data of free associative and directed associative experiments aimed at revealing the perception of the concept of “wandering” by modern native speakers of the Russian language; data from various dictionaries reflecting the meaning of the lexemes “wandering”, “wanderer”; the results of the analysis of M. Voloshin’s poems of different years, reflecting the concept of “wanderer”.

The methods of experiment, semantic-stylistic, contextological, motivic analysis are used, which allow revealing the features of the content and perception of the concepts “wandering”, “wanderer”, reflected in the lyrical texts of M. Voloshin.

Results and discussion. Associative experiments conducted to identify the signs of the concept of “wandering” showed a broader understanding of the respondents about this phenomenon than is reflected in the explanatory dictionaries. The experiment made it possible to identify the attitude of modern native speakers to the phenomenon of wandering and compare it with the understanding of this phenomenon by the author, judging by the representation in the lyrics of M. A. Voloshin.

Unsettledness, anxiety for the future of the country at the turn of the 19th–20th centuries determined the interest of representatives of the creative intelligentsia in the problem of wandering. The thematic zone “wandering”, including the concepts “path”, “wanderer”, “spiritual wanderings”, occupies a central place in M. Voloshin’s lyrics. The lyrical hero is an eternal wanderer, inquisitive, thirsty for knowledge, filially attached to Mother Earth; Odysseus, cut off from his native shores, wandering and restless; experiencing the pain of separation lover; a person who, as a result of trials, came to a higher understanding of life – gratitude to her for the persistence of pain, the bitterness of earthly herbs, the causticity of salt; finally, the chosen one, who renounced the joys of earthly life in the name of a higher destiny.

Conclusion. An analysis of the linguistic and artistic features of the lyrical texts of M. Voloshin, containing the concept of “wandering”, which is central in the poet’s lyrics, made it possible to identify the main features of the lyrical wanderer hero (restlessness, inquisitiveness in knowing the world, unity with Mother Earth, the search for one’s destiny), and to draw a conclusion about the originality of M. Voloshin’s concept sphere.

Keywords: M. A. Voloshin, concept, conceptual picture of the world, wanderer, wandering, associative experiment, Silver Age

For citation: Ivanchenko S. A. Kontsepty “strannichestvo” i “strannik” v lirike M. Voloshina i v zerkale assotsiativnykh eksperimentov [The Concepts of “Wandering” and “Wanderer” in the Lyrics of M. Voloshin and in the Mirror of Associative Experiments]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 88–96 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-88-96>

Введение

Концептуальная картина мира М. Волошина представляет развернутую и глубокую систему, в которой нашли отражение творческие поиски выдающейся личности. Ключевой для концептосферы М. Волошина является тематическая зона «странничество», включающая в себя концепты «путь», «странник», «духовные странствования»: от земных странствий по «путям-перепутьям» до духовных и космических.

Целью работы является анализ языковых особенностей воплощения концептов «странничест-

во», «странник» в лирических текстах М. Волошина, позволяющих выявить своеобразие его концептосферы.

Материал и методы

С целью уточнения представлений современных носителей русского языка о феномене странничества был проведен свободный и направленный ассоциативные эксперименты, результаты которых сопоставлялись с данными различных словарей, содержащих значение лексем «странничество», «странник».

С помощью методов семантико-стилистического, контекстологического, мотивного анализа выявлялись особенности лексической структуры стихотворных текстов М. Волошина разных лет, позволяющие раскрыть своеобразие его концептосферы, определялись основные черты лирического героя, воплощающего идею странничества.

Результаты и обсуждение

Тематическое направление «странничество» в русской культуре занимает одно из центральных мест как составляющая национального мировосприятия. В толковом словаре В. И. Даля значение слова «странничество» определяется как «быт, жизнь и состояние странников, богомольцев; скитальчество» [1, с. 335].

Словарь Д. Н. Ушакова трактует странничество как «странствование пешком с целью богомолья как бытовое явление» [2].

В словаре С. И. Ожегова лексема «странничество» отсутствует, однако определены значения многозначного слова «странник»: «странствующий человек (обычно бездомный или гонимый); человек, идущий пешком на богомолье, богомолец», во втором значении по содержательным характеристикам практически совпадающее с толкованием слова «странничество» в словаре Д. Н. Ушакова [3]. В более поздних словарях находим следующее определение данного слова: «странствование пешком по святым местам» [4].

Анализ словарных статей позволяет сделать выводы о некоторой трансформации трактовки слова «странничество» при сохранении основного смысла понятия – странствование пешком на богомолье (по святым местам).

Для определения содержательной составляющей культурного концепта «странничество» в сознании современных носителей русского языка нами проведен свободный ассоциативный эксперимент, что вызвано отсутствием в имеющихся ассоциативных словарях в качестве стимула слова-номината концепта «странничество». Направленный ассоциативный эксперимент позволил дополнить выявленные в ходе анализа показаний информантов признаки рассматриваемого концепта. Представим результаты проведенных экспериментов.

По данным свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняло участие 59 информантов – обучающихся 11-го класса МАОУ СОШ № 37 г. Томска, слово-стимул «странничество» вызывает следующие реакции (более 300 реакций информантов):

1) самыми частотными стали реакции, связанные с направлением «путь, дорога» (35 %): путь – 33, путешествие – 31, дорога – 25, хождение – 6,

странствие – 5, блуждания – 3, бродяжничество – 3, ехать – 1;

2) вторыми по частотности оказались реакции, обозначающие целевую установку странствующего: поиск – 29, самопознание – 15, изучение – 11, цель – 10, приключение – 7, совершать подвиги – 4, принцип жизни, образ жизни – 3;

3) среди ядерных есть реакции, называющие того, кто совершает странствие, а также отражающие его внутренние характеристики: странник – 21, странный – 12, отшельник – 7, путешественник – 7, человек – 4, чужак – 3, нищий – 3, одиночество – 3, кочевник – 2, турист – 2, духовность – 2, непостоянство – 2, мудрость, решимость, герой, не как все – 1;

4) немалочисленными стали и пространственные реакции: страна – 12, мир – 9, место – 5, город – 3, пустыня, моря – 1;

5) среди реакций с эмоциональной составляющей доминируют реакции с положительной оценкой: свобода – 14, увлекательно – 3, затягивает – 2; малочисленны признаки, отражающие отрицательную оценку явления: страх – 2;

6) реакции, синонимичные слову «новый», также находят отражение в ответах информантов: неизведанный – 6, знакомства – 3, новый – 2, открытие – 2;

7) в коллективное ассоциативное поле слова «странничество» входят и характеристики, отображающие представление о внешнем облике странствующего, и атрибуты, связанные со странствием: лохмотья – 4, холщовый – 2, борода – 2, рванье, грязь, Гэндальф, караван, карта, бурдюк – 1;

8) единичными оказались реакции, обозначающие источник знаний об анализируемом явлении: истории, рассказы, сказка, видеоигра – 1.

В направленном ассоциативном эксперименте респондентам было предложено поразмышлять, различаются ли слова «странничество» и «бродяжничество» по значению, и если различаются, то чем; странничество – это хорошо или плохо; странствовать – это идти к чему-то или уходить от чего-то. Итоги эксперимента позволили сделать определенные выводы, заключающиеся в следующем:

1) большинство информантов склонны различать значения слов «странничество» и «бродяжничество»;

2) при ответе на вопрос, чем отличаются слова «странничество» и «бродяжничество», на наличие/отсутствие цели указали 50 % информантов (странничество подразумевает наличие цели, бродяжничество – ее отсутствие); маркеры «добровольность»/«вынужденность» (добровольность характерна для странничества, вынужденность – для бродяжничества (отсутствие дома)) отметили 30 % опрошенных; на наличие духовной составляющей в содер-

жании слова «странничество» и, соответственно, отсутствие таковой в лексеме «бродяжничество» указали еще 15 % респондентов; наличие/отсутствие материальных средств в качестве содержательного отличия указанных слов обозначили три информанта, степень отдаленности от дома («странничество» – далеко, «бродяжничество» – близко) – один;

3) положительную оценку странничеству как явлению дали 35 % опрошенных, отрицательную – 15 %. Основной процент составили реакции, определенные как «зависит от цели»;

4) ответы на вопрос: «Странствовать – это идти к чему-то или от чего-то?» – распределились следующим образом: к чему-то – 41 реакция, от чего-то – семь реакций, и то и другое – 11 реакций – свидетельствуют о том, что в сознании носителей русского языка феномен «странничество» связывается значительно больше с поиском, целью, приобретением, нежели с потерями.

В целом результаты ассоциативных экспериментов позволили уточнить понимание концепта «странничество» современными носителями русского языка и определить признаки, характерные для данного культурного концепта и связанные с его ассоциативным, образным и эмоционально-оценочным слоями. В русской картине мира концепт «странничество» характеризуется следующими признаками: *дорога, поиск, самопознание, самоопределение, неизведанность, свобода* – и отличается от значений, обозначенных номинатом концепта в толковых словарях, более широким представлением о рассматриваемом явлении.

Справедливо считая понятие «странничество» многомерным и сложным, ученые активно интересуются данным феноменом, рассматривая его в разных аспектах. Так, обзорный анализ характеристик значения слова «странничество» в исследованиях ученых, проведенный А. А. Шунейко и О. В. Чибисовой [5], показывает отсутствие полного совпадения в трактовке данного феномена. Однако ученые уверены в том, что «можно... говорить об углубляющейся тенденции к детализации анализа явления» [5, с. 42], намечающей «актуальные параметры оценки понятийного комплекса, которые можно воспринимать как его структурные характеристики» [5, с. 42]. К таким параметрам исследователи относят особенность восприятия данного понятия через призму «материальное/духовное, реальное/воображаемое, с конфессиональной и/или социальной целью, по собственной воле и/или помимо ее, по известному маршруту и/или в новые области, с планом и/или без, с целью и/или без» [5, с. 42].

Находясь на этапе перелома эпох, представители Серебряного века остро чувствовали неустроенность и тревогу за будущее своей страны и мира в

целом. Желанием постичь, осмыслить возможности для преобразования Вселенной объясняется их обращение к проблеме странничества как центральной в творчестве.

О том, что указанная тематическая направленность характерна для работ мыслителей Серебряного века, говорит Е. А. Трофимова в статье «Образ странника в русской культуре Серебряного века», отмечая «глубинную волнующую соотнесенность понятий странствия земного, духовного и космического» [6, с. 236].

Для М. Волошина обращение к проблеме странничества также является определяющим, и свидетельств этому множество: от известных фактов личной биографии, повествующих о М. Волошине – неутомимом путнике по городам и весям («горящими ступнями» поэт обошел пол-Европы, азиатские степи и каждый уголок горячо любимой им Киммерии) до заглавий поэтических книг («Годы странствий», *Selva oscura*) и основного мотива многочисленных поэтических текстов. Об этом же говорят и современники поэта, и исследователи его творчества более поздних лет.

«Ходок по дорогам мысли и слова» – так емко характеризовала М. Волошина М. И. Цветаева, а его отношение к миру (в широком понимании) – «спутничеством», давая этим свою интерпретацию волошинской мифологемы странника [7, с. 226].

С. Д. Титаренко рассматривает топологию духовного странничества М. Волошина в соотнесенности с феноменологией памяти. Исследуя автобиографические статьи, мемуарную и дневниковую прозу М. Волошина, объединенные темой духовного странничества, через призму философии Платона, автор приходит к мысли о том, что основополагающими для творческого сознания М. Волошина явились «античный христианский и природно-космический топосы» [8, с. 186].

О странствии души поэта говорит и В. П. Купченко, подразумевая под ним «формирование мировоззрения, зачатки творческих импульсов, человеческие контакты» [9].

Это находит отражение и в дискуссиях ученых по вопросу классификации и периодизации творческого наследия М. Волошина. Некоторые исследователи считают целесообразным подходить к его рассмотрению через концепт «странничество» как центральный в творчестве поэта. Так, В. Купченко выделены этапы творческого странничества М. Волошина, соответствующие определенным периодам его жизни: начало пути отличается желанием героя все увидеть и испытать, середина знаменуется переходом от странствий тела к странствию духа, в конце же пути вместе с обретением мудрости приходит изгнанничество [10, с. 38].

В. В. Палачева, поддерживая идею странничества в подходах к периодизации творчества М. А. Волошина, говорит о том, что центральным мотивом каждой из его книг является мотив пути: путь путешественника, познающего мир, в первой книге, путь как внутренняя суть души – во второй, пересечение пути поэта и пути страны – в третьей, путь человечества в масштабах мироздания – в четвертой [11, с. 23].

Отражение концепта «путь» в лирике М. Волошина нами исследовано и подробно описано в статье «Концепт „путь“ и его лексическая репрезентация в лирике М. Волошина» [12]. Обратимся к рассмотрению содержания и средств репрезентации концепта «странник» как ключевого в творчестве М. А. Волошина.

Сложность данного концепта заключается в его многомерности, в неоднозначности восприятия, находящегося в зависимости от историко-культурного контекста. По мнению С. С. Ильина, основанному на сопоставлении словарных статей разных исторических эпох (словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова), точки зрения В. В. Виноградова и др., литературных примерах и представляющемся нам достаточно обоснованным, слово «странник» «включает в себя довольно разные феномены» [13, с. 40] и «до сих пор продолжает обрывать новыми смыслами» [13, с. 43]. Ученый прослеживает трансформацию концепта «странник» и смежных с ним «скиталец», «изгнанник», «бродяга» на протяжении двух столетий.

Каков же концепт-образ «странник» в период, названный Серебряным веком? По мнению Е. А. Трофимовой, странник в эпоху Серебряного века – «это не только богомолец или религиозный подвижник, но и человек, готовый к внутренним трансформациям и поискам личного пути» [6, с. 235]. Исследователь считает, что «культуре Серебряного века... было свойственно разрабатывать образ странника в символически-архетипическом ключе, стремясь уяснить... глубинный опыт русской духовной культуры и особенности национального характера», обнаруживая при этом «метафизику странничества» [6, с. 234]. В качестве примеров ученый приводит опыт В. С. Соловьева, называемого современниками «странником»; В. В. Розанова, который видит в себе странника-проповедника; Н. А. Бердяева, считавшего, что «странник – самый свободный человек на земле», что он «нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции» [14, с. 12–13].

В числе странников – представителей «лучшей части интеллигенции» В. А. Маслова видит Н. Клюева, который «хочет уйти странствовать» [15, с. 27], О. Мандельштама, который сочинял на ходу и не имел рукописей, М. Цветаеву, «у которой

после революции никогда не было своего жилья» [15, с. 27]. Ряд этот, на наш взгляд, можно многократно продолжать, включив сюда и известного тем, что «не врос в землю» [14, с. 13], В. Хлебникова и, конечно, М. Волошина, потому, что они были свободны от всего земного, потому что в них «нет приземистости» [14, с. 13], потому что концепт «странник» со светским наполнением в их творчестве «получает сакральное звучание, становится духовной ценностью» [15, с. 27].

Е. А. Трофимова отмечает дуалистичность странничества, «ведь оно предстает как жизнь вне дома, за его пределами, но оно есть и расширение границ дома до попыток обустройства космического пространства», а также его основные линии, одной из которых является «жажда вернуться к своим истокам и обрести их» [16, с. 35]. Это космизм, который, по мнению автора, отображается не только в расширении сознания, чувстве долга и ответственности, но и в сознании значимости выбора личного пути [16]. Все это мы наблюдаем и в лирике М. Волошина.

В раннем стихотворении «Пустыня» (1901) через постижение тайн степей лирический герой М. Волошина приходит к осознанию собственной жизненной установки: *Возьми свой посох и иди*, где деталь «посох» выступает как атрибут-символ странничества. Лирический герой этого периода обуреваем жадой познания, его цель – *все видеть, все понять, все знать, все пережить /... Все воспринять и снова воплотить* («Сквозь сеть алмазную...», 1904), что звучит в унисон с установкой, данной себе и всем, кто готов внять призыву: *Пройдемте по миру, как дети* (1903). По-детски пытливо, с любовью всматриваясь в окружающий его мир, стремясь все познать, *странником вечным в пути бесконечном* («В вагоне», 1901), в стремлении к счастью странствует лирический герой дорогами Рима, Венеции, Парижа.

В этот период лирический герой – сын Земли. Дитя Земли, Праматери, он проникнут желанием *быть Матерью-Землей* («Быть черною землей...», 1906), слиться с ней в единое целое, навсегда вобрать в себя *и горький дым костра, и горький дух полыни, и горечь волн* («Костер мой догорал...», 1906):

Я к траве припадаю.

Быть твоим навсегда... («Небо в тонких узо-рах...», 1905).

Это и Одиссей, наполненный *скитальным духом* (*Mare internum*, 1907), оторванный от родных берегов, чью ладью *путем назначенным дерзая и сомненья стремится... глухая дрожь морей* («Над зыбкой рябью вод...», 1907).

Символично в данный период и обращение к дороге как любовному пути, где на распутье стоит

лукавый *Соблазнитель* («Письмо», 1904), а сами поиски часто напрасны: та, к которой стремится лирический герой, всегда *неизменна и не та* («В напрасных поисках за ней...», 1909). И этот мотив обманутых ожиданий вызывает в сознании читателей переключку с творчеством поэтов-символистов, в частности с лирическим циклом А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме».

Необходимость и неизбежность встречи, а впоследствии и трагичность расставания обуславливают мотив блуждания («Мы заблудились в этом свете...», 1905). Это дорога смертного, ведущая «долу», в «мир» – путь в христианском понимании, путь поиска, страданий («Второе письмо», 1904–1905).

Мотив ожидания порождает мотив определения – также ключевой в лирике М. Волошина. Лирический герой оказывается перед выбором, о чем свидетельствуют обороты: *с распутий трех дорог* (Lunaria, 1913), *на всех победных перепутьях* («Другу», 1915), *на росстани лесных дорог* («Судьба замедлила сурово», 1910), *сомненьям всех дорог* (Corona Astralis, 1910).

Рассмотрим подробнее стихотворение 1910 г. «Судьба замедлила сурово»:

*Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог...
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...
Смирясь, я все ж не принимал
Забвенья холод неминучий
И вместе с пылью пепел жгучий
Любви сгоревшей собирал.
И с болью помнил профиль бледный,
Улыбку древних змийных губ, –
Так сохраняет горный дуб
До новых почек лист свой медный.*

Композиционно текст отчетливо делится на три части, соответствующие каждой строфе, исходя из центральных мотивов каждой: мотив определения в первой части сменяется мотивом неприятия неизбежного во второй и мотивом воспоминаний в последней.

На это указывает и глагольный ряд, представленный формами прошедшего времени с семантикой движения: *ждал, не мог отойти, шел, возвращался; смирясь, не принимал, собирал; помнил*.

Повторяющиеся многоточия в первой строфе – свидетельство неопределенности, сомнений, метаний лирического героя, как и синтаксический параллелизм последних строк первой строфы. Использование глагола *возвращался* в сочетании с наречием *снова* усиливается ощущение невозможности принять неизбежное, отпустить, продолжить путь уже в одиночестве.

Диалектное слово *росстань*, как и народно-поэтический эпитет *неминучий (холод забвенья)* (ср. сказочно-былинное: *чув беду неминучую*) максимально роднят чувства лирического героя с бытующими в народном сознании представлениями о душевных переживаниях.

Смирение как кульминация не становится началом развязки: мотив неприятия остается центральным во второй строфе. Представляет интерес развернутая метафора, содержащаяся в двух последних строках второй строфы: традиционный метафорический образ *пепел любви* дополняется эпитетом *жгучий* и отчетливо отображаемым в сознании читателя образом лирического героя, страдающего от неразделенной любви.

Мотив памяти в третьей строфе реализуется при помощи портретных деталей возлюбленной (*профиль бледный, улыбка древних змийных губ*) и аналогии, подчеркивающей болезненность воспоминаний: до обновления чувств (*новых почек*) бережно хранится страдание по ушедшей любви (*медному листу*).

Таким образом, стихотворение отражает любовные блуждания лирического героя, недаром оно включено автором в первую часть второй книги под названием *Selva oscura* (темный лес).

Образ вечного странника-певца показан в стихотворении 1910 г. «Склоняясь ниц, оваян ночи синью». Поэт делает акцент на таких чертах лирического героя, как сыновняя привязанность к матери-земле, поклонение ей (*Склоняясь ниц, оваян ночи синью, / Доверчиво ищу губами я / Сосцы твои, натертые полынью, / О мать земля!*), готовность к обездоленности (*Бродить среди людей / И растирать в руках колосья хлеба / Чужих полей*). Герой наделен качествами обычного человека, способного ошибаться и заблуждаться (*Мне не отказано ни в заблужденьях, / Ни в слабости, и много раз / Я угасал в тоске и в наслажденьях... Я ж расточал, что было мне дано*).

Однако *Вином тоски и хлебом испытаний / Душа сыта* – это не об отрицании всего, что связано с земным существованием, всего, что содержится в лексемах *тоска* и *испытания* (ср. *сыт по горло*), здесь другая семантика: наполненность жизненными испытаниями приводит героя к высшему – христианскому – пониманию жизни: лексический повтор *благодарю*, занимая в последней строфе сильную позицию (завершает стихотворение), выражает не просто покорное принятие уготованной судьбой, а осознанное принятие с благодарностью за жизнь со всеми ее проявлениями:

*Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгораю.
За горечь трав земных, за едкость соли –
Благодарю!*

Примечателен в этом отношении эпитет *путеводительной (боли)*, по семантике идентичный слову *путеводный*, входящему во фразеологизм *путеводная звезда*: лирический герой, прошедший через страдания, навсегда оставляет боль в себе как направляющее начало.

В более поздних стихотворениях М. Волошина становится актуальным мотив возвращения к истокам: *знаю, что приду к отцовскому шатру, где ждут меня мои и где я жил когда-то* («Как некий юноша...», 1913), однако вместе с тем приходит осознание, что для того, чтобы стать Мастером, надо понять, *что ты не сын земле, а путник по вселенным* («Подмастерье», 1917), т. е. отрешиться от земного, от того, что так близко и дорого, от того, что стало частью тебя, во имя высшего предназначения. Недаром, по словам Е. А. Трофимовой, «в образе странника содержится смысл Другого, Иного, а также иноверия и иномирия», «взгляд странника – это взгляд Другого. Странник – это остранение» [6, с. 240].

Показательно в этом отношении стихотворение 1924 г. «Выйди на кровлю, склонись на четыре...»:

*Выйди на кровлю. Склонись на четыре
Стороны света, простерши ладонь...
Солнце... Вода... Облака... Огонь... –
Все, что есть прекрасного в мире...
Факел косматый в шафранном тумане...
Влажной парчою расплесканный луч...
К небу из пены простерты длани...
Облачных грамот закатный сургуч...
Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли.*

Лексема «кровля» в первой строке употребляется в переносном значении как место проживания, пребывания. У Волошина это земной мир, прощаясь с которым лирический герой благодарит землю за данную ему благодать постижения всего *прекрасного в мире* (склониться на *четыре стороны света*). И это уже не *с распутий трех дорог* (Lunaria, 1913), где обычно происходит определение, – выбор сделан, на что указывает оборот *простерши ладонь*, означающий решимость совершить важное действие (ср. библейское *протеру руку свою*).

Предметный ряд: *Солнце... Вода... Облака... Огонь... – четыре составляющие всего, что есть прекрасного в мире*, того, что определяет земное существование, дает тепло, пищу для тела и души.

Этот ряд продолжают яркие и необычные метафорические образы: *факел косматый в шафранном тумане; влажной парчою расплесканный луч; облачных грамот закатный сургуч*.

Назывные предложения создают ощущение зрительно выхваченных из пространства образов и реализуют мотив прощания. В этом же состоит роль многоточий (в стихотворении 11 предложений из 13 завершаются этим знаком препинания).

Отрешенность от земного звучит в строках:

*Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...*

Странствие странствий – вечное путешествие, внеземное, космическое, *звездное*. Этот новый путь – дорога избранных, освобожденных *от власти малого, беспамятного «я»*, отказавшихся *от радости переживаний жизни* ради возможности стать *Мастером словесного, святого ремесла* («Подмастерье», 1917). Конечная цель странничества у М. Волошина – прийти к высшему пониманию своего предназначения – стать Мастером, *выплавить из мира Необходимости и Разума – Вселенную Свободы и Любви!* («Подмастерье», 1917), достичь состояния растворенности сознанием во Вселенной, что подтверждается и анализом других поэтических текстов, входящих в рассматриваемую тематическую зону концептосферы М. Волошина.

Заключение

Таким образом, концепт «странничество», являясь сквозным мотивом поэзии Серебряного века, выступает и в качестве центрального в поэтическом творчестве М. Волошина, вбирая в себя «сам дух русского космизма с его желанием преодоления преград, вплоть до земного тяготения» [16, с. 36].

Анализ содержания и языковых особенностей лирических текстов М. Волошина показывает соотношенность двух основных концептов – «странничество» и «странник», находящихся в отношениях включения: концепт «странник», входит в структуру более сложного концепта «странничество», позволяет выявить основные черты, присущие лирическому герою-страннику, свершающему свой путь как по земле, так и по Вселенной, рассмотреть своеобразие авторского видения проблемы странничества, заключающегося в убеждении необходимости отречения от привычного и важного во имя высшего предназначения, и сделать выводы об особенностях концептосферы поэта.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1990. Т. 3. 555 с.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия, 1935–1940. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 15.07.2022).

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30719> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (дата обращения: 18.03.2022).
5. Шунейко А. А., Чибисова О. В. Странничество в научных исследованиях XXI века // Международный журнал исследований культуры. Эйдос, 2020. № 1 (38). С. 31–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strannichestvo-v-nauchnyh-issledovaniyah-xxi-veka/viewer> (дата обращения: 10.04.2022).
6. Трофимова Е. А. Образ странника в русской культуре Серебряного века // Провинциальная культура. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-strannika-v-russkoy-kulture-serebryanogo-veka/viewer> (дата обращения: 11.02.2022).
7. Волошин М. А. Жизнь – бесконечное познание: стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступит. статья, краткая биохроника, ком. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 576 с.
8. Титаренко С. Д. Топос как символическое пространство памяти в автобиографической прозе М. А. Волошина и мифопоэтическая традиция Платона // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 2. С. 186–198.
9. Купченко В. П. Дневниковый жанр в мемуаристике М. Волошина // Евразийский союз ученых. Серия: Филология, искусствоведение, культурология. URL: <http://surl.li/bqqil> (дата обращения: 03.03.2022).
10. Купченко В. П. Странствие Максимилиана Волошина: документальное повествование. СПб.: Logos, 1996. 542 с.
11. Палачева В. В. Поэма «Путями Каина» в контексте культурофилософских исканий М. А. Волошина: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 229 с.
12. Иванченко С. А. Концепт «путь» и его лексическая репрезентация в лирике М. А. Волошина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 3 (215). С. 40–48. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-3-40-48
13. Ильин С. С. О концепте «странник» в истории русской культуры. 2012. С. 37–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontsepte-strannik-v-istorii-russkoy-kultury-1> (дата обращения: 14.02.2022).
14. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
15. Маслова В. А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 23–31.
16. Трофимова Е. А. «Славянская идея» в философии русского космизма Серебряного века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. С. 32–42.

References

1. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Vol. 3]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. T. 3. 555 p. (in Russian).
2. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. D. N. Ushakov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1935–1940 (in Russian). URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (accessed 15 July 2022).
3. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language] (in Russian). URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30719> (accessed 20 February 2022).
4. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998 (in Russian). URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (accessed 18 March 2022).
5. Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Strannichestvo v nauchnykh issledovaniyakh XXI veka [Wandering in scientific research of the XXI century]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury Eydos – International Journal of Cultural Studies. Eidos*, 2020. No. 1 (38). pp. 31–46 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strannichestvo-v-nauchnyh-issledovaniyah-xxi-veka/viewer> (accessed 10 April 2022).
6. Trofimova Ye. A. Obraz strannika v russkoy kul'ture serebryanogo veka [The image of a wanderer in the Russian culture of the Silver Age]. *Provintsial'naya kul'tura – Provincial culture*, 2014 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-strannika-v-russkoy-kulture-serebryanogo-veka/viewer> (accessed 11 February 2022).
7. Voloshin M. A. *Zhizn' – beskonechnoye poznan'ye: stikhotvoreniya i poemy. Proza. Vospominaniya sovremennikov. Posvyashcheniya* [Life is endless knowledge: poems and poems. Prose. Memoirs of contemporaries. Dedications]. Comp., prepared. texts, enter. article, brief biochronicle, comm. V. P. Kupchenko. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1995. 576 p. (in Russian).
8. Titarenko S. D. Topos kak simvolicheskoye prostranstvo pamyati v avtobiograficheskoy proze M. A. Voloshina i mifopoeticheskaya traditsiya Platona [Topos as a symbolic space of memory in the autobiographical prose of M. A. Voloshin and the mythopoetic tradition of Plato]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universitetata. Seriya: Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 186–198 (in Russian).
9. Kupchenko V. P. Dnevnikovyy zhanr v memuaristike M. Voloshina [Diary genre in the memoirs of M. Voloshin]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh. Seriya: Filologiya, iskusstvovedeniye, kul'turologiya – International research journal «Eurasian Union of Scientists». Series: philology, art criticism, cultural studies* (in Russian). URL: <http://surl.li/bqqil> (accessed 3 March 2022).

10. Kupchenko V. P. *Stranstviye Maksimiliana Voloshina: dokumental'noye povestvovaniye* [The journey of Maximilian Voloshin: a documentary narrative]. Saint Petersburg, Logos Publ., 1996. 542 p. (in Russian).
11. Palacheva V. V. *Poema "Putyami Kaina" v kontekste kul'turofilosofskikh iskaniy M. A. Voloshina. Dis. kand. filol. nauk* [The poem "The Ways of Cain" in the context of cultural and philosophical searches of M. A. Voloshin. Diss. cand. philol. sci.]. Kemerovo, 2003. 229 p. (in Russian).
12. Ivanchenko S. A. Kontsept "put'" i yego leksicheskaya reprezentatsiya v lirike M. A. Voloshina [The concept of "path" and its lexical representation in the lyrics of M. A. Voloshin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, vol. 3 (215), pp. 40–48 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2021-3-40-48
13. Il'in S. S. *O kontsepte "strannik" v istorii russkoy kul'tury* [On the concept of "wanderer" in the history of Russian culture]. 2012. Pp. 37–45 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontsepte-strannik-v-istorii-russkoy-kul'tury-1> (accessed 14 February 2022).
14. Berdyayev N. A. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, Filosofskoye obshchestvo SSSR Publ., 1990. 240 p. (in Russian).
15. Maslova V. A. Strannik v russkoy lingvokul'ture: tsennost', kontsept, obraz [The Wanderer in Russian Linguistic Culture: Value, Concept, Image]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2015, no. 3, pp. 23–31 (in Russian).
16. Trofimova Ye. A. "Slavyanskaya ideya" v filosofii russkogo kosmizma Serebryanogo veka ["Slavic idea" in the philosophy of Russian cosmism of the Silver Age]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*, 2018, pp. 32–42 (in Russian).

Информация об авторе

Иванченко С. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Ivanchenko S. A., post-graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 03.07.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 03.07.2022; accepted for publication 01.10.2022